

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 68–79.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 68–79.

Научная статья

УДК 94(47).083.3+356.18+17.022.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

МЕЖДУ УСТАВОМ И ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: МОРАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА В 12-Й УРАЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ БЕЛОЙ АРМИИ В 1919 Г. (МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

**Иван Сергеевич
Сильченко**

Технический университет УГМК

Верхняя Пышма, Россия

89022777814@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Аннотация. Статья посвящена микроисторическому анализу воинской дисциплины и морального облика личного состава 12-й Уральской стрелковой дивизии Белой армии в 1919 г. Цель исследования – на примере конкретного соединения реконструировать реальное состояние дисциплины как ключевого индикатора морально-психологического состояния, мотивации и групповой психологии в условиях социально-политического кризиса на востоке России. Методологической основой работы выступил микроисторический подход, примененный к детальному изучению неопубликованных материалов полковых судов дивизии из фондов Российского государственного военного архива. В результате реконструирована картина морального разложения в соединении. Выявлены и систематизированы основные типы дисциплинарных нарушений: преступления на почве алкоголизма, злоупотребление властью офицерами, дезертирство, саботаж, мародёрство и хищения. Установлено, что эти явления были не разрозненными инцидентами, а элементами единого комплекса распада, в котором пьяный произвол командного состава подрывал авторитет власти, что, в свою очередь, толкало солдат к дезертирству и грабежам как стратегиям выживания. Показана неэффективность и избирательность работы военно-судебных органов. Научная новизна заключается в первой детальной реконструкции внутренней дисциплинарной ситуации в 12-й Уральской дивизии. На её примере выявлена универсальная для гражданских войн модель коллапса, движимая триадой: утрата легитимности власти, кризис смысла борьбы и переход к индивидуальным стратегиям выживания в ущерб уставным нормам. Значение работы состоит в раскрытии фундаментальных антропологических механизмов, обусловивших внутренний распад белых частей, который происходил задолго до их окончательного военного поражения.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, 12-я Уральская стрелковая дивизия, воинская дисциплина, моральный облик, дезертирство, военно-судебные органы, полковые суды, историческая антропология.

Для цитирования: Сильченко И. С. Между уставом и преступлением: моральный облик и воинская дисциплина в 12-й Уральской стрелковой дивизии Белой армии в 1919 г. (микроисторический анализ) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 68–79. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

Сведения об авторе: И. С. Сильченко – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Технический университет УГМК, 624091, Россия, Свердловская область, г. Верхняя Пышма, проспект Успенский, д. 3.

Scientific Article

UDC 94(47).083.3+356.18+17.022.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79>

BETWEEN THE CHARTER AND CRIME: MORAL PORTRAIT AND MILITARY DISCIPLINE IN THE 12TH URAL RIFLE DIVISION OF THE WHITE GUARD IN 1919 (A MICROHISTORICAL ANALYSIS)

Ivan S. Silchenko

UMMC Technical University

Verkhnyaya Pyshma, Russia

89022777814@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

Abstract. The article analyzes military discipline and the moral portrait of the White Guard 12th Ural Rifle Division personnel in 1919 from a microhistorical point of view. The aim of the study is to reconstruct, using the example of this specific unit, the real state of discipline as a key indicator of the moral and psychological condition, motivation, and group psychology amidst the socio-political crisis in the east of Russia. The methodological basis of the work is the microhistorical approach applied to a detailed study of unpublished materials from the divisional regimental courts from the holdings of the Russian State Military Archive. As a result, the author reconstructs a picture of moral decay within the unit, identifies and systematizes the main types of disciplinary offenses: alcohol-related crimes, authority abuse by officers, desertion, sabotage, maraud, and theft. It is worth noting that these phenomena were elements of a single disintegration complex, in which drunken line officers members undermined prestige of the authorities. This forced the soldiers to embark on the path of desertion and robbery as a survival strategy. The article demonstrates inefficiency and selectivity of the military judicial authorities. The scientific novelty lies in the first detailed reconstruction of the internal disciplinary situation in the 12th Ural Division. Using this example, the author reveals universal model of collapse inherent to civil wars driven by a triad: the loss of legitimacy of authority, a crisis of meaning in the struggle, and a shift towards individual survival strategies at the expense of charter norms. The significance of the work lies in revealing the fundamental anthropological mechanisms that determined the internal disintegration of White units, which occurred long before their final military defeat.

Keywords: Russian Civil War, White Movement, 12th Ural Rifle Division, military discipline, moral character, desertion, military judicial authorities, regimental courts, historical anthropology.

For citation: Silchenko, IS 2025, 'Between the Charter and Crime: Moral Portrait and Military Discipline in the 12th Ural Rifle Division of the White Guard in 1919 (a Microhistorical Analysis)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 68–79, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-68-79> (in Russ.)

Information about the Author: Ivan S. Silchenko – PhD in Historical Sciences, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, UMMC Technical University, 3, pr-t Uspensky, Verkhnyaya Pyshma, 624091, Russia.

Введение

Исторический процесс неотделим от феномена войн, выступавших ключевым фактором в определении государственных границ, формировании систем международных отношений и разрешении противоречий. Наиболее значимым с точки зрения масштабов вовлеченности человеческих и материальных ресурсов, а также глубины последующих политических, социальных и культурных трансформаций стал XX в. Несомненно, комплексное исследование феномена войны предполагает его рассмотрение в рамках различных методологических подходов, среди которых важнейшее значение имеет антропологическое измерение, фокусирующееся на изучении «человека в условиях военного конфликта». При этом одними из наиболее сложных и противоречивых являются вопросы мотивации и лояльности военнослужащих, принимающих участие в гражданских войнах, которые отличаются повышенной социально-политической напряженностью и многосоставностью.

Среди внутренних конфликтов Новейшего времени в качестве репрезентативной модели подобного противоборства выделяется Гражданская война в России. Данный конфликт характеризовался размыванием классической фронтовой структуры, а в его орбиту были вовлечены все слои населения независимо от их изначальной политической ангажированности. Уже в ходе конфликта воюющие стороны начали формировать стереотипный образ своего противника, который закреплялся в различных формах культурной репрезентации – от изобразительного искусства и художественной литературы до кинематографа. После окончания Гражданской войны победившие большевики сознательно конструировали новый «героический пантеон», в структуру которого включались как рядовые бойцы, так и известные деятели, при этом образ бывшего врага сознательно редуцировался до упрощенных и нередко демонизированных представлений.

Реальные образы участников антибольшевистского движения существенно расходятся с их художественными и пропагандистскими репрезентациями. Они обладают выраженной многомерностью и внутренней противоречивостью, обусловленной не только социально-политическими и моральными дилеммами, присущими внутреннему вооруженному конфликту, но и глобальными политическими и военными катализмами, характерными для первой четверти XX в.

Таким образом, научное осмысление реальных образов участников Белого движения обладает не только исторической значимостью, но и позволяет приблизиться к пониманию «человека Гражданской войны», чьи поступки определялись не абстрактными лозунгами, а сложным переплетением личных обстоятельств, страхов и инстинкта выживания.

Безусловно, до настоящего времени исследователями была проведена глубокая работа по научному осмыслению антропологической стороны Гражданской войны [см., например: 2; 3; 5; 11; 13; 14; 15]: изучены персональные траектории, ментальные установки и повседневные практики участников конфликта. Однако проблематика воинской дисциплины [см., например: 4; 7] как индикатора морального состояния военнослужащих по-прежнему остаётся исследованной фрагментарно – особенно в отношении локальных формирований Белого движения. Между тем, именно в этих частях наиболее явно прослеживалась связь дисциплины с мотивацией и групповой психологией. Дисциплина в боевых частях отражала не столько соблюдение уставов, сколько уровень легитимности власти в глазах бойцов, их идентификацию с общим делом. Её ослабление говорило о кризисе смыслов и переходе к индивидуальным стратегиям выживания.

Эта проблема была особенно острой для формирований, созданных на востоке России, где она обострялась из-за совокупности факторов. Сложная география (горы, леса, реки) затрудняла централизованное управление и контроль, повышая значи-

мость неформальных лидеров и локальных практик поддержания порядка. Многообразие социокультурных групп вносило дополнительные различия в мотивацию и поведенческие стратегии бойцов. Высокая интенсивность боёв и нестабильность линии фронта способствовали деморализации, подрывая устойчивость групповых норм и ослабляя механизмы внутренней регуляции.

Таким образом, изучение дисциплины в отдельных частях, таких, как 12-я Уральская стрелковая дивизия, дает уникальную возможность понять антропологический облик «белого бойца» через призму повседневных практик, механизмов регуляции поведения и выживания.

Целью данного исследования является микроисторический анализ воинской дисциплины на примере 12-й Уральской стрелковой дивизии как ключевого индикатора морального состояния, мотивации и групповой психологии в условиях кризиса. Такой подход позволяет отказаться от широких обобщений и сосредоточиться на детальной реконструкции внутренней жизни конкретного соединения.

Научная новизна работы заключается в том, что она впервые детально на основе скрупулезного анализа неопубликованных материалов полковых судов реконструирует картину морального разложения в данном соединении. Отдельное исследование не может служить в качестве иллюстрации общероссийских тенденций, однако может способствовать раскрытию внутренних механизмов распада, универсальных для гражданских войн.

Материалы и методы

Для реализации поставленной цели исследование опирается на методологию, сочетающую подходы социальной истории, исторической антропологии и институционального анализа. В центре внимания находится качественное изучение материалов полковых судов, позволяющее реконструировать не только сами дисциплинарные практики, но и стоящие за ними мотивации, конфликты и поведенческие стратегии участников Белого движения.

Основным методом работы выступает микроисторический анализ, позволяющий через детальное рассмотрение конкретных судебных случаев раскрыть логику поступков рядовых бойцов и офицеров. Сравнительно-исторический метод применяется для выявления общих и особенных черт дисциплинарных практик в разных полках дивизии. Институциональный анализ используется для изучения организации и деятельности военно-судебных органов как инструмента формального регулирования поведения.

Источниковой основой исследования выступили неопубликованные архивные материалы из фонда 39629 «Штаб 12-й Уральской стрелковой дивизии», хранящегося в Российском государственном военном архиве (РГВА). Информация о дисциплинарных нарушениях и судебных процессах фрагментирована и рассредоточена по различным делам фонда, содержащим разрозненные протоколы заседаний, приговоры, материалы дознаний, рапорты командиров и переписку. Путем анализа и сопоставления этих разрозненных документов, удалось (с определенной долей реконструкции) собрать целостную картину дисциплинарной ситуации в соединении, выявив основные типы правонарушений и примеры реакции на них со стороны командования.

Важно отметить, что корпус изученных документов хронологически относится к периоду формирования и относительной стабильности дивизии с осени 1918 г. по весну 1919 г., когда тыловые и судебные институты ещё функционировали. Можно предположить, что в период катастрофического отступления лета-осени 1919 г., во время Сибирского Ледяного похода, система военного правосудия попросту не успевала и не могла фиксировать все дисциплинарные инциденты. Таким образом, представленная в исследовании картина, вероятно, является лишь «верхушкой айсберга»

и отражает ситуацию в более или менее управляемый период, тогда как подлинный масштаб разложения в частях дивизии остаётся скрытым от наблюдателя.

Результаты

Летом-осенью 1918 г. на занятых антибольшевистскими войсками территориях Урала началось спешное формирование воинских частей и соединений. Мобилизация, начавшаяся 25 августа 1918 г., затронула новобранцев 1898–1899 гг. рождения, которые включались в состав в Уральской кадровой (запасной) бригады [12, с. 26–31]. В результате последующих структурных преобразований указанная бригада 11 октября 1918 г. была переформирована в 1-ю и 2-ю Уральские кадровые дивизии. 7 декабря 1918 г., 2-я Уральская кадровая дивизия получила наименование 12-й Уральской стрелковой дивизии, в состав которой вошли полки, переименованные в 45-й Сибирский, 46-й Исетский, 47-й Тагильский и 48-й Туринский стрелковые полки. Командование соединением было возложено на полковника Р. К. Бангерского [12, с. 29].

После переброски на фронт в конце 1918 г. дивизия приняла участие в весеннем наступлении 1919 г., завершившемся неудачей, и последующем Сибирском Ледяному походе (зима 1919–1920 гг.). В Чите её остатки были реорганизованы в 12-й Уральский стрелковый полк, расформированный после оставления Забайкалья.

Параллельно с созданием и реорганизацией воинских частей в белых армиях шло активное восстановление других дореволюционных военных институтов. Так, в Сибирской армии и Русской армии А. В. Колчака в качестве образца строительства армейских судебных органов было решено взять дореволюционную систему, основанную на предвоенном опыте. При этом, как отмечают исследователи, с одной стороны, полковые и дивизионные суды обладали широкими полномочиями, что объясняется чрезвычайными условиями Гражданской войны. С другой – работа по предотвращению преступлений и соблюдению законности шла эпизодически и не отличалась последовательностью [6, с. 89]. Материалы полковых судов 12-й Уральской дивизии позволяют выделить несколько устойчивых групп правонарушений, каждая из которых раскрывает специфические аспекты морального разложения.

Преступления на почве алкоголизма, злоупотребление властью и саботаж

Уже в октябре 1918 г., (когда соединение находилось еще в тылу), в екатеринбургской чайной Красильникова разыгралась драма, характерная для атмосферы того времени. Подпрапорщик 6-го Уральского кадрового полка Г. Копалов, находясь в состоянии опьянения, вступил в конфликт со старшим унтер-офицером И. М. Шишиным. Поводом послужили не просто оскорбления, а публичное оспаривание мотивов службы: Копалов, апеллируя к своему фронтовому опыту, обвинил Шишина в стремлении избежать отправки на фронт путем записи в кадровый полк. Этот словесный спор быстро перерос в физическое противостояние и закончился нанесением Шишину легких ножевых ранений [9, л. 19–23]. Данный инцидент красноречиво свидетельствует, что даже на этапе формирования в частях нарастало напряжение между «фронтовиками» и теми, кого подозревали в желании отсидеться в тылу.

Еще более показателен случай, произошедший в марте 1919 г. с группой солдат 46-го Исетского полка во главе с квартирмейстером Удиловым. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, они ворвались в дом деревенского старосты Шакира Гайдуллина в селе Казаяк-Кутуш. Действия солдат вышли за рамки бытового пьяного дебоша – они требовали от старосты ответа, на чьей он стороне – «у "народной армии" или у большевиков» [9, л. 107–110], а Удилов при этом назвал себя красным комиссаром. Один из солдат, А. Плаксин, произвел выстрел в старосту, однако промахнулся. Этот эпизод демонстрирует, как алкоголь стирал границы между своими и чужими, порождая абсурдные ситуации. Знаковым является и итог этого дела: не-

смотря на задержание, следствие против Удилова было вскоре прекращено. Главной причиной этого явилось ходатайство командира полка генерал-майора М. Е. Обухова, который ссылался на прежние заслуги обвиняемого [9, л. 1087 об.]. В записке, направленной командиру дивизии Р. К. Бангерскому, отмечалось: «Свой неблаговидный поступок Удилов совершил в нетрезвом виде, в чем он чистосердечно признался и с тех пор совершенно бросил пить (хотя имел к тому возможность). <...> Прошу предать это дело забвению» [10, л. 124, 124 об.].

Злоупотребление властью порой принимало крайние формы, когда военно-судебный аппарат использовался для сведения личных счетов. 8 октября 1918 г. в Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии по приговору полевого суда был расстрелян доброволец Сибирской армии Лука Федорович Батятин. Поводом для столь сурового приговора послужил конфликт с прaporщиком Пузановым: Батятин ходатайствовал о возвращении седельной подушки, взятой этим офицером у местного жителя. В ответ Батятин был обвинен в неуважительном отношении к офицеру и спешно приговорен к смертной казни. Примечательно, что в качестве одного из членов полевого суда, вынесшего смертный приговор, выступал тот самый прaporщик Пузанов [10, л. 294–295], что свидетельствует о полном попрании норм законности и превращении суда в инструмент расправы.

В тот же период, до начала активных боевых действий, командование демонстрировало и обратную тенденцию – внимание к формальным процедурам и даже незначительным проступкам. Примером этому служит инициированное расследование обстоятельств позднего прибытия на службу врача 48-го Туринского стрелкового полка А. Н. Надеждинского [10, л. 339–340].

Это столкновение мелочной формальности с откровенным произволом в вопросах жизни и смерти демонстрирует противоречивость и отсутствие единых подходов к формально закрепленным правовым принципам.

Наиболее ярко связь пьянства с разложением командного состава видна в деле подпоручика Савельева, командира паркового дивизиона соединения. В начале февраля 1919 г., после ошибочного донесения о пропаже лошади и будучи в сильном алкогольном опьянении, он ворвался в избу (место расположения рядового состава), произвел выстрел из револьвера для устрашения, после чего лично избил солдат Верещагина и Метело/ева. Этого ему показалось мало, и он приказал «выписать» им по 25 розог, а затем, лишив верхней одежды, запереть в холодной бане. В материалах следствия скромно, но красноречиво отмечалось, что подпоручик Савельев «часто и очень много пил» [10, л. 22], а солдаты видели его трезвым крайне редко [10, л. 26]. Логическим завершением этого пути стало дезертирство: 19 марта 1919 г. Савельев оставил расположение своей части, прихватив 17 062 рубля казенных денег [10, л. 96].

Анализ этой группы правонарушений позволяет сделать вывод, что в условиях Гражданской войны алкоголь был не бытовой слабостью, а универсальным, хотя и деструктивным, механизмом психологической компенсации. Он усугублял конфликты, провоцировал насилие и подрывал субординацию. При этом пьяный произвол офицеров не только причинял прямой вред подчиненным, но и дискредитировал авторитет командного состава, подталкивая солдат к аналогичным формам асоциального поведения.

Дезертирство и уклонение от службы

Если преступления на почве алкоголизма демонстрировали внутреннее разложение, то дезертирство, также насчитывающее десятки случаев, было прямым индикатором кризиса легитимности белой власти и утраты смысла борьбы, знаменуя переход к индивидуальным стратегиям выживания. 20 января 1919 г., вскоре после передачи бронепоезда «Тагил» в ведение бригады под руководством машиниста Ко-

новалова, в котле паровоза была выявлена масштабная протечка 70–80 % теплообменных труб. Проведенное расследование исключило вероятность случайной поломки, указав на умышленный характер повреждений. Было установлено, что целью саботажа со стороны бригады являлась необходимость следования в город Златоуст, где располагалась профильная ремонтная база [10, л. 96]. К моменту возбуждения уголовного дела бригада скрылась и находилась в розыске [10, л. 102].

25 января 1919 г. на линии фронта у села Ново-Троицкого стрелок 7-й роты 45-го Сибирского стрелкового полка Иван Щелконогов возглавил группу солдат, которая с применением насилия похитила из расположения пулеметной команды два пулемета. Пулеметы были установлены на сани, за которыми и последовали дезертиры. Этот инцидент показывает, что солдаты думали не только о самом побеге, но и о ресурсах для дальнейшего выживания – пулеметы могли стать «вступительным билетом» на службу в Красной армии, или явиться основой для вооруженной банды. В районе Саткинского завода группа была задержана, а Щелконогов, признанный заслуженным, приговорен к расстрелу [9, л. 98–106].

Ярчайшим примером стал массовый самовольный уход с линии фронта 26 января 1919 г. 126 военнослужащих 45-го Сибирского полка. Примечательно, что последующее расследование установило: большинство дезертиров принадлежали к нестроевой роте. Этот нюанс красноречиво говорит о том, что кризис мотивации в первую очередь охватывал тех, чья связь с «общим делом» и фронтовым братством была наиболее слабой. Суд, рассматривавший дела 45 обвиняемых, оправдал 24 человека, что может указывать либо на вынужденный характер их участия в побеге, либо на попытку командования проявить умеренность. Однако в отношении остальных была применена исключительная мера наказания – расстрел [9, л. 52–60].

Одним из наиболее массовых стал инцидент, произошедший 1 мая 1919 г., когда стрелки 46-го Исетского пехотного полка отказались идти в атаку в районе деревни Кузьминовки. Важно, что причины бунта были не идеологическими, а сугубо бытовыми: солдаты ссылались на плохое питание и недостаток обмунидирования. Офицерам удалось успокоить личный состав, однако ситуацию ухудшил старший унтер-офицер 8-й роты Григорий Климов. Его крик: «Раз заварили кашу, надо ее расхлебывать!» [10, л. 162] – и последующие призывы к убийству офицеров перевели пассивное недовольство в мятеж. В ходе вспыхнувших беспорядков был ранен командир 8-й роты поручик Шатунов.

Расследование, проведенное поручиком Замятниным, стало редким примером тщательности. Были собраны показания более 80 свидетелей, что позволило однозначно определить подстрекательскую роль Климова и установить, что выстрел в поручика Шатунова произвел либо стрелок И. Кокин, либо его сослуживец А. Латков [10, л. 141–155]. Однако к моменту завершения дознания оба они уже чисились как «перешедшие к противнику» [10, л. 166].

26 апреля 1919 г. за временное уклонение от участия в военных действиях был расстрелян стрелок 46-го стрелкового Исетского полка Андрей Стровятов [10, л. 132]. 20-летний уроженец Екатеринбургского уезда А. Сыровятов был призван в Белую армию 3 сентября 1918 г. В д. Шланы Стерлитамакского уезда указанный военнослужащий самовольно отлучился из своей роты и вернулся только на следующие сутки. Добровольно отправиться под арест Сыровятов не хотел и угрожал «разделяться» со своими командирами [10, л. 134].

Дезертирство не было уделом только нижних чинов. 13 декабря 1918 г. в отношении подпоручика 48-го Туринского стрелкового полка Дьяконова было инициировано служебное расследование в связи с его неявкой к месту прохождения службы.

В ходе дачи показаний Дьяконов пояснил, что после занятия Симбирска частями Белой армии он прибыл в Екатеринбург, где оказался в затруднительном ма-

териальном положении. Офицеру удалось получить поддержку со стороны своих знакомых, которые оказывали ему материальную помощь [9, л. 32–38]. Получив предписание о переводе в город Ирбит, Дьяконов заявил, что данный перевод его не устраивал. В результате он, воспользовавшись разрешением начальника разведывательного отделения Кононова, остался в Екатеринбурге в нарушение полученного приказа.

После повторного обращения командования 48-го Туринского полка с требованием направить Дьяконова в Ирбит, ему были выделены казенные средства на покрытие транспортных расходов. Несмотря на это, подпоручик в установленный срок к месту службы не прибыл, что и стало формальным основанием для проведения расследования [9, л. 32–38].

18 января 1919 г. прапорщик Протосеня при следовании из штаба 47-го Тагильского полка в расположение роты предпринял попытку перебежки к противнику, но был тяжело ранен своими же солдатами [10, л. 76].

Помимо тайного дезертирства, другой формой выражения недовольства служило прямое неподчинение приказам, что свидетельствовало о кризисе уже не только мотивации, но и управления.

Примером этому является инцидент, произошедший 30 марта 1919 г., когда командир батальона 47-го Тагильского стрелкового полка поручик Леченков, получив приказ атаковать вражеские позиции, заявил, что «батальон приказ исполнит, но за последствия не ручается, так как люди утомлены вечерним боем». При этом сам Леченков отметил, что он «нервно расстроен и руководить операцией хотя и будет, но за последствия не ручается» [10, л. 156].

22 июня два офицера 7-й роты 45-го Сибирского полка – подпоручик Столбун и прапорщик Рыжков получили приказ выселить местных жителей из хуторов и подготовить помещения для расположения войск. Однако местные жители отказывались оставлять свои дома, на что подпоручик Столбун замечал: «Хорошо давать приказания, но как их выполнять? У нас таких необдуманных приказаний очень много» [10, л. 204 об.]. Прапорщик Рыжков отмечал: «Мы повоевали и нам это надоело» [10, л. 204]. В материалах дознания также отмечалось, что прапорщик Рыжков ведет антигосударственные разговоры не только со своими коллегами-офицерами, но и со стрелками [10, л. 204].

Крайней формой уклонения от службы становилось членовредительство. 7 февраля 1919 г. в дивизионный перевязочный отряд был доставлен адъютант 12-го легкого артиллерийского дивизиона Степан Повцев. Врачами было определено, что Повцев получил слепое ранение в ногу, однако это было «саморанение» с целью уклонения от службы [9, л. 34].

Дезертирство и уклонение от службы, принимавшие самые разные формы – от саботажа и самовольных отлучек до открытого мятежа и членовредительства – были симптомом глубокого кризиса. Солдаты и офицеры выступали против войны, смысл которой для них был утрачен. Массовые побеги, особенно из нестроевых частей, и саботаж показывают, что связь с «общим делом» была разорвана. Кризис легитимности белой власти привел к тому, что на смену долгому и дисциплине пришли индивидуальные стратегии выживания, часто сопряженные с насилием и предательством.

Хищения и мародерство

В условиях разрухи и разложения тыла широкое распространение получили экономические преступления и мародерство, которые подрывали и без того шаткую дисциплину и окончательно отталкивали от белой власти местное население.

9 января 1919 г. военнослужащие 47-го Тагильского полка Василий Окунев и Дмитрий Щукин были задержаны по обвинению в хищении денежных средств в

размере пятисот рублей, а также вещевого и продовольственного имущества – суконных шаровар и двух с половиной фунтов сахара. Оба обвиняемых были этапированы в комендатуру города Златоуста, где содержались впредь до завершения предварительного следствия [10, л. 44].

В ночь с 3 на 4 февраля 1919 г. у солдата комендантской команды Ивана Шадрина, ночевавшего в вагоне офицерского собрания, были похищены деньги. Оказалось, что деньги похитил его коллега – солдат комендантской команды Дмитрий Пьянков, подбросивший кошелек во время поисков [9, л. 84]. 11 марта 1919 г. приказчик солдатской лавки 46-го стрелкового Исетского полка Всеволод Брусницын был взят под стражу за перепродажу товара, предназначенного для солдат [10, л. 112].

В конце марта 1919 г. за мародерство на поле боя к расстрелу были приговорены военнослужащие 12-й Уральской стрелковой дивизии Филипп Гладунин и Михаил Обоскалов. Приговор был приведен в исполнение в присутствии стрелков роты, в которой служили военнослужащие, а также двух представителей от каждой из роты полка [10, л. 121]. Третий фигурант дела – стрелок Иван Тельчин был осужден на каторжные работы [10, л. 131 об.].

В июне 1919 г. за насильственную реквизицию скота у граждан с. Алатырки был арестован зауряд-капитан Василий Евлампиевич Обухов [10, л. 193]. Первоначально данного офицера планировалось разжаловать в рядовые, однако уровень преступления требовал иных мер. Некоторое время Обухов содержался под арестом (совместно с рядом других офицеров, находящихся под следствием за иные преступления) – военные власти не могли выбрать для него меру наказания, что наглядно демонстрирует системный кризис военного правосудия: с одной стороны, тяжесть самоуправства и грабежа населения осознавалась, но с другой – существовала очевидная нерешительность в применении суровых санкций к офицерскому составу.

Хищения и мародерство, от мелких краж у сослуживцев до грабежей местного населения, стали индикатором тотального кризиса снабжения и морали. Публичные расстрелы мародеров, с одной стороны, показывают попытки командования бороться с разложением, но с другой – его выборочный и запоздалый характер. Нерешительность в наказании офицеров, виновных в самоуправстве, демонстрировала двойные стандарты и подрывала веру в справедливость, окончательно разлагая части изнутри.

Заключение

Проведенный микроисторический анализ позволяет утверждать, что кризис воинской дисциплины в 12-й Уральской стрелковой дивизии был проявлением глубокого антропологического сдвига. Рассмотренные правонарушения – алкоголизм, произвол, дезертирство, мародерство – не были разрозненными инцидентами, а составляли единый комплекс морального разложения, в котором пьяный произвол офицеров подрывал авторитет власти, что, в свою очередь, толкало солдат на дезертирство и грабежи как единственно доступные стратегии выживания.

На примере дивизии выявляется универсальная для гражданских войн модель распада. Ее движущим механизмом стала триада, включающая утрату легитимности власти, возникновение кризиса смысла и переход к индивидуальным и групповым стратегиям выживания, которые вступали в противоречие с уставными нормами и интересами армии. Попытки командования разорвать этот порочный круг исключительно репрессиями оказывались малопродуктивными, лишь углубляя пропасть между солдатами и офицерами и ускоряя внутренний распад.

Таким образом, ценность данного микроисследования заключается не только в реконструкции морального облика конкретного соединения Белого движения, но и в раскрытии фундаментальных механизмов, присущих гражданским конфликтам

как таковыми. На примере 12-й Уральской дивизии мы видим, как в условиях тотального кризиса рушатся не только формальные институты, но и внутренние, моральные ограничители человеческого поведения. Армия, утратившая легитимность в глазах собственных солдат и смысл в их понимании, обречена на поражение, которое наступает задолго до последнего сражения. Это знание вносит вклад в более глубокое понимание природы гражданских войн, где конечный результат определяется не только военными успехами, но и состоянием «человеческого материала» и его веры в то дело, которое он вынужден защищать.

Список источников и литературы

1. Захарова Т. В. Офицерский состав Якутского гарнизона Сибирской армии А. В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 25–30.
2. Морозова О. М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 559 с.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
4. Никитин А. А. Воинская дисциплина в вооруженных формированиях Советского государства и Белого движения на Юге России: ноябрь 1917–1920 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никитин Александр Анатольевич. М., 2008. 264 с.
5. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 94–102.
6. Пивоваров Ю. Ф., Григорьев О. В. «Красные» и «белые» военно-судебные органы в годы гражданской войны в России (1917–1922) // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 12А. С. 86–95.
7. Постникова О. А. Борьба с нравственными изъянами в морально-психологическом состоянии белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2-1. С. 114–118.
8. Почешков Н. А., Шхачемуков Р. М. Гражданская война в России (1917–1922 гг.): психологические аспекты // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 24–27.
9. РГВА. Ф. 39629. Оп. 1. Д. 13.
10. РГВА. Ф. 39629. Оп. 1. Д. 24.
11. Семенов А. А. Повседневная жизнь населения России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Армавир: Армавир. полиграфпредприятие, 2005. 170 с.
12. Симонов Д. Г. Кадровые (запасные) формирования белой Сибирской армии на Урале в 1918 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 26–31.
13. Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. 209 с.
14. Сорокин А. Н. Крестьянство и казачество Терской области в коллизиях Гражданской войны 1917–1920 гг.: историко-антропологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С. 147–153.
15. Федюк В. П. Российский обыватель в годы гражданской войны: социокультурные аспекты повседневности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 312–318.
16. Фоменцов В. В. Деятельность органов советской власти по укреплению воинской дисциплины в Красной Армии: 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Фоменцов Владимир Валентинович. Вольск, 2006. 243 с.

References

1. Zakharova, TV 2015, 'Ofitserskiy sostav Yakutskogo garnizona Sibirskoy armii A. V. Kolchaka (noyabr 1918 – dekabr 1919 gg.)' (Officers Siberian Yakut garrison A.V. Kolchak's army (November 1918 – December 1919)), *Severo-Vostochnyy Gumanitarnyy Vestnik* (North-Eastern Journal of Humanities), no. 2 (11), pp. 25–30. (In Russ.)
2. Morozova, OM 2012, *Antropologiya Grazhdanskoy voyny* (Anthropology of the Civil War), Izdatelstvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentr RAN publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Narskiy, IV 2001, *Zhizn v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* (Life in Catastrophe. The Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
4. Nikitin, AA 2008, *Voinskaya distsiplina v vooruzhennykh formirovaniyah Sovetskogo gosudarstva i Belogo dvizheniya na Yuge Rossii: noyabr 1917–1920 g.* (Military discipline in the armed formations of the Soviet state and the White Movement in the South of Russia. November 1917–1920), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
5. Petin, DI, Stelmak, MM & Sushko, AV 2023, 'Zolotopogonniki' v sovetskoy Rossii: kollektivnyy sotsialnyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska)' ("Gold chasers" in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk)), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Tomsk State University Journal), no. 486, pp. 94–102. (In Russ.)
6. Pivovarov, YuF and Grigoryev, OV 2016, 'Krasnye' i 'belyye' voenno-sudebnyye organy v gody grazhdanskoy voiny v Rossii (1917–1922)' ("Red" and "White" military courts during the Civil War in Russia (1917–1922)), *Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava* (Matters of Russian and International Law), vol. 6, no. 12A, pp. 86–95. (In Russ.)
7. Postnikova, OA 2010, 'Borba s nравственными изъянами в морально-психологическом сопротивлении белого офицерства в годы Гражданской войны на Юге России' (Fight against drawbacks in the White Army morale during the Civil War in South Russia), *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentr Rossiiskoy Akademii Nauk* (Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), vol. 12, no. 2-1, pp. 114–118. (In Russ.)
8. Pocheshkhov, NA & Shkhachemukov, RM 2013, 'Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922 gg.): psichologicheskiye aspeky' (Civil War in Russia (1917–1922): Psychological aspects), *Vestnik Maykopskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta* (Bulletin of Maikop State Technological University), no. 2, pp. 24–27. (In Russ.)
9. Rossiiskiy gosudarstvennyy voennyy arkiv (RGVA) (Russian State Military Archive), fund 39629, inventory 1, file 13. (In Russ.)
10. Rossiiskiy gosudarstvennyy voennyy arkiv (RGVA) (Russian State Military Archive) fund 39629, inventory 1, file 24. (In Russ.)
11. Semenov, AA 2005, *Povednevaya zhizn naseleniya Rossii v gody Grazhdanskoy voiny (1917–1920 gg.)* (The everyday life of the population of Russia during the Civil War (1917–1920)), Armavirskoye Poligrafpredpriyatie publ, Armavir. (In Russ.)
12. Simonov, DG 2009, 'Kadrovyye (zapasnyye) formirovaniya beloy Sibirskoy armii na Urale v 1918 godu' (Reserve troops of the White Siberian Army at Ural region in 1918), *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istorya, Filologiya* (Vestnik NSU. Series: History and Philology), vol. 8, no. 1, pp. 26–31. (In Russ.)
13. Skipina, IV 2003, *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* (The human experience in the conditions of the Civil War in the Urals. A historiography of the problem), Tyumenskiy gosudarstvenny universitet publ, Tyumen. (In Russ.)
14. Sorokin, AN 2022, 'Krestyanstvo i kazachestvo Terskoy oblasti v kolliziakh Grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.: istoriko-antropologicheskiy analiz' (The peasantry and Cossacks of the Terek region in the collisions of the Civil War of 1917–1920: historical and anthropological analysis), *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), no. 3 (95), pp. 147–153. (In Russ.)
15. Fedyuk, VP 2015, 'Rossiiskiy obyvatel v gody grazhdanskoy voiny: sotsiokulturnyye aspekty povsednevnosti' (The Russian inhabitant during the Civil War: sociocultural aspects of everyday life), *Yaroslavskiy Pedagogicheskiy Vestnik* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no. 3, pp. 312–318. (In Russ.)

16. Fomentsov, VV 2006, Deiatelnost organov sovetskoy vlasti po ukrepleniyu voinskoy distsipliny v Krasnoy Armii: 1918–1920 gg. (Activities of the Soviet authorities to strengthen military discipline in the Red Army: 1918–1920), abstract of PhD thesis, Samara State Pedagogical University, Volsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 12.11.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025